

Судьбоносцы

Странная история Хэйна Тамма

OWEN JONES

Судьбоносец

Странная история Уэйна Гамма

Оуэн Джонс

Перевести:

Наталия Цветкова

Авторское право © 2014-2022 Оуэн Джонс

Судьбоносец

Оуэн Джонс

Опубликовано издательством:

Megan Publishing Services

<http://meganthemisconception.com>

Примечания к лицензии :

Эта электронная книга лицензирована только для вашего личного удовольствия. Эта электронная книга не может быть перепродана или передана другим людям. Если вы хотите поделиться этой книгой с другим человеком, пожалуйста, приобретите дополнительную копию для каждого получателя. Если вы читаете эту книгу и не приобрели ее, или она была приобретена не только для вашего пользования, то, пожалуйста, вернитесь в ваш любимый магазин электронных книг и приобретите свою собственную копию. Спасибо за уважение к тяжелому труду этого автора.

СОДЕРЖАНИЕ

Судьбоносец

Оуэн Джонс

Наталия Цветкова

Судьбоносец

Оуэн Джонс

Примечания к лицензии :

Судьбоносец

ПОСВЯЩЕНИЕ

ВДОХНОВЛЯЮЩИЕ ЦИТАТЫ

СОДЕРЖАНИЕ

БЛАГОДАРНОСТЬ

КОНТАКТНЫЕ ДАННЫЕ

1. ВЕЙН ГАММ

2. УЭЙН В ШКОЛЕ

3. УЭЙН ВЗРОСЛЕЕТ

4 . РАСШИРЕНИЕ ГОРИЗОНТОВ

5. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ФЕРМУ

6 .ГИЛДФОРД

7.КОМАНДА

8 РОЖДЕСТВО В ОСОБНЯКЕ

9 ИСПАНИЯ

10 БРИТАНСКИЙ ТУР

11 АМЕРИКА ЗОВЕТ

12 НЬЮ-ЙОРК

13 ХОРОШЕЕ С ПЛОХИМ

14 ФИЛАДЕЛЬФИЯ

15 ЭММА НАБИРАЕТ ОБОРОТЫ

16 ПРЕДЛОЖЕНИЕ

17 СНОВА ДОМА

18 ГОРА

19. РОЖДЕСТВО В САДУ ДРАКОНА.

20 БУДУЩЕЕ.

ПЕСНИ ИЗ ЭТОЙ КНИГИ

СЛОВАРЬ

МЕРТВАЯ ТОЧКА
Оуэн Джонс
1 БАГДАД ШЕХЕРЕЗАДЫ
о писателе

1. ВЕЙН ГАММ

Крики, доносившиеся из уединенного старого каменного дома на ферме, звучали нечеловечески, что было совсем неплохо, потому что единственными красно кровными существами, которые могли их услышать, были четвероногие, хотя они прекрасно понимали, что происходит внутри. Миссис Гвинедд Гамм рожала своего первенца, а ее мать помогала ей принимать роды. Овцы в поле понимали боль, которую испытывала Гвинедд, даже если ее муж Сэмюэль Гамм и его собутыльники в пабе в местной деревне Дремаэльгвн этого не понимали.

“Мам! Немедленно вытащи из меня этого ребенка! Аргхх!”

“Постарайся расслабиться, дорогая, и тужься... продолжай тужиться...”

“Может, мне стоило лечь в больницу, чтобы родить его... мы знали, что он будет большим, аргххх, ребенком!”

“Ну, Гвинни, мы же обсуждали это, правда, милая? Это было просто невозможно... слишком опасно. Просто продолжай давить, ты отлично справляешься, для новичка”.

“Аргхх, о, аргхх... ух, ух, ух, ух, аргхх... О, мама, он огромный! Иди на кухню, возьми разделочный нож и разрежь меня... Давай, мне все равно, если ты все испортишь! Мама, я больше не могу этого выносить...”

“Да, ты можешь, Гвинни, ты должна, и ты знаешь, что я не могу помочь тебе в таком состоянии... никто не может... Вот почему ты должна рожать здесь, дома, без посторонних”.

“Это было написано, Гвинни, ты знаешь это так же хорошо, как и я. Тише, Гвин, сосредоточься, все женщины проходят через это, и я обещаю тебе, что однажды, может быть, через много лет, ты будешь вспоминать этот день с большим удовольствием”.

“У меня никогда не будет другого, и это точно!”

“Ты говоришь это сейчас, моя дорогая, но мы увидим, что произойдет, не так ли, в один прекрасный день”.

Она пробовала сидеть на корточках в теплой ванне, на сиденье походного туалета, на четвереньках и сидя на сутулых ногах, но все было одинаково, поэтому она просто легла на спину на кровать и

попыталась сосредоточиться на том, чтобы миллиметр за миллиметром выводить из себя своего большого малыша. Гвинедд чувствовала его продвижение, но оно было недостаточно быстрым для нее.

“Мама, дай мне еще немного тех таблеток, которые доктор сказал, что я могу принимать, пожалуйста”.

Мать выполнила просьбу, а затем поднесла к ее губам стакан холодной воды. С ее лица капал пот.

Мать и дочь были так похожи, что могли бы быть сестрами, хотя в этот день можно было бы поспорить, кто из них старше. Между ними было всего восемнадцать лет разницы, а мать Гвинедда, Рианнон, выглядела очень молодо для своих лет, как и все женщины, если бы у них был выбор, как у нее.

Коттедж и его земли принадлежали семье дольше, чем кто-либо мог вспомнить, и у них была семейная Библия с именами всех и адресом фермы, которой было 324 года. Теперь она принадлежала Рианнон, Рианнон Филлипс, а ее дочь и новый зять жили вместе с ней, как это было принято в здешних местах. Мистер Филлипс уже давно умер.

Когда Рианнон и Гвинедд спрашивали, к какой религии они принадлежат, они автоматически отвечали “капелла”, и им не казалось, что они лицемерят. В конце концов, это была неплохая религия, если судить по религиям. Просто для них она была недостаточно глубокой, потому что Рианнон, ее дочь и большинство людей, которых они знали, верили в гораздо большее.

Не только верили, но и знали.

Однако, говоря, что они “из Часовни”, все оставались довольны, и было легче заполнять переписные листы. Они даже ходили в Часовню, когда могли, даже если это было только пение гимнов, но и все остальные тоже. Даже министр верил в большее, чем признавался всем, особенно своему начальству.

Рианнон и ее дочь были одарены “вторым зрением”, как это называлось, то есть они могли видеть будущее, а иногда и прошлое. Это давало им возможность по-другому смотреть на время. Они обе верили в Тилвит Тег, или фей по-английски, и регулярно разговаривали с теми, кто, по их мнению, ухаживал за их садом и горой, на которой они жили; они также верили в судьбу, в predetermined будущее,

поэтому ребенок Гвинедд родился дома, а не в больнице. Они оба видели в разных видениях, что ребенок, которого назовут Уэйн, будет “большим и особенным”. Они знали, что Уэйн будет особенным в той мере, в какой это может произойти. Они видели, что он может быть опасным - грозным в нескольких отношениях.

Они еще не были уверены в деталях, но они видели несколько потрясающих сцен, сцен, которые они не хотели превратить в дежа вю. Это было последнее, чего они хотели. Они просто не могли быть уверены в том, что произойдет, и это пугало их больше, чем отсутствие рядом врачей или акушерок, не говоря уже об эпидуральном обезболивании.

“Вот так, Гвинни, давай, девочка... Я вижу макушку маленького Уэйна! Продолжай тужиться!”

“Аргхх, аргхх, он... не “маленький” Уэйн, его голова кажется размером с мяч для регби... аргхх, и это даже не самая большая его часть, не так ли? За ней еще два фута! Надеюсь, его плечи еще не слишком широкие. О, аххх, никогда больше не перерезай мне трубки после этого, Мам, позвони завтра, обещаешь?”

“Давай, Уэйн, помоги матери вытащить тебя, вот хороший мальчик. Работайте со своим сыном, Гвин, давайте оба, работайте вместе, вы почти у цели...”

“Я держу его! Гвин, он у меня! Он прекрасен, он идеален! Вот, возьми своего красивого сына. Молодцы, вы оба. Моя прекрасная дочь и ее красивый сын”.

Гвин сказала несколько слов Уэйну и прижала его к себе, хотя никто, кроме Уэйна, не знал, что она сказала, но он ответил криком. Через несколько минут Рианнон взяла его обратно, перерезала пуповину, обмыла, завернула в одеяло и передала матери. Затем она вышла на улицу, чтобы лучше принимать гостей, и позвонила отцу Уэйна.

“Сэм, твой прекрасный сын прибыл. Приезжай и посмотри на него. Он великолепен, и Гвин тоже здорова”.

Он был более чем немного пьян, но он действительно хотел увидеть своего сына.

“Хорошо, мама, я сейчас приду”. Он переглянулся с двумя друзьями, допил виски и сел в фургон.

“Мы тоже сейчас поедem, Сэмми, поздравляю, мы позвоним тебе завтра”.

“Хорошо, ребята, спасибо, что составили мне компанию. Увидимся завтра. Спокойной ночи, будьте осторожны на этих горных дорогах”.

Когда он добрался до дома, который по чистой случайности не попал в аварию, он припарковал машину в опасной близости от коттеджа и бросился внутрь.

“О, моя дорогая, Гвин, ты выглядишь как картинка, сидя в постели с нашим маленьким Шон... э... нашим Уэйном. Я так горжусь вами обоими. Спасибо, мама, что помогла им обоим пройти через это. Вы не можете представить, что я думал, что могло бы произойти здесь, ну, вы понимаете, при таких обстоятельствах”.

“Позволь мне попытаться просветить тебя, Сэмми, ты когда-нибудь пытался спустить что-нибудь такое большое на унитаз? Я думал, что нет, так что будь хорошим мальчиком и больше ничего не говори... Но он прекрасный мальчик, не так ли? Мама, ты была права, я уже не жалею о той боли”.

“Могу ли я принести тебе что-нибудь, мой дорогой, я в твоём распоряжении?”

“Нет, я не хочу больше того, что у меня уже есть. Подойди и сядь рядом с нами, обними меня, Сэмми, но не дыши над нами. Я не хочу, чтобы Уэйн напился в свой первый день на природе”.

Сэмюэль пододвинул табурет к кровати, подошел и положил руку на плечо жены. Затаив дыхание, он вглядывался в лицо сына и думал о том, что должен быть самым счастливым человеком на всей зеленой Божьей Земле.

∞

Сэмюэль был не из Уэльса, он приехал туда из Корнуолла однажды летом, четыре года назад, в ответ на объявление местных овцеводов о поиске стригалей. Он приехал на ферму Рианнон, и они с ее дочерью полюбили друг друга. И Рианнон, и Гвинет понимали, что это было неизбежно. В округе было не так много одиноких людей, и уж точно не в двадцати минутах езды, так что, когда красивый молодой человек

остался на ферме на две недели стричь овец, это была предсказуемая судьба.

Рианнон тоже его одобрила. Он был знающим фермером, выходцем из овцеводов. Он был высоким и сильным и, казалось, был влюблен в Гвинедд. Чего еще может желать мать для себя и своей дочери? А Гвин была слишком влюблена, чтобы заботиться об этом. После окончания школы она вела одинокую жизнь на горе, и мать понимала это. Единственной проблемой было то, что он не знал валлийского языка, но он пытался, и местные жители давали ему шанс научиться, потому что он был фермером и потому что все они очень уважали Рианнон. В радиусе пятидесяти миль не было ни одной семьи, которая не обращалась бы к ней с просьбой об услуге в то или иное время, и она никогда никому не отказывала.

Она воспитывала Гвинедда так же, как ее мать воспитывала ее - бесконечно, насколько кто-либо знал.

Сэмюэль смешался и вписался. Он никогда не спорил о своей рабочей нагрузке и, казалось, получал удовольствие от общения с паствой. Единственное, что он привык пить в своем деревенском пабе в Корнуолле после работы, в то время как-то место, где он сейчас находился, находилось в двадцати минутах езды от Йодрайга Гоха - Красного Дракона, ближайшего паба, и это иногда его расстраивало.

Гвинедд была в пабе в Уэльсе всего один раз, в день своей свадьбы, и он ей не очень понравился, хотя она училась в школе с большинством из тех, кто там был. Она также выпивала с приятелями Сэмюэля в их деревне, но была рада уйти оттуда как можно скорее, хотя ей нравились его родители, и она звонила им чаще, чем ему.

В свои двадцать два и двадцать пять лет Гвинедд и Сэмюэль были вполне типичной для этого района счастливой парой с первым ребенком, и, будучи отпрысками фермеров, они не считали необычным жить в родительском доме. На самом деле Сэмюэль ценил присутствие Рианнон и даже наслаждался ее обществом, и это чувство было взаимным. Единственное, в чем они не совсем "сходились во взглядах", — это сверхъестественное, хотя Сэм говорил, что его родители верят в то же самое, что и Гвинедд. Однако Сэм считал это "старомодным и глупым".

Однажды вечером он сказал им обеим об этом с надменной улыбкой, которая сказала обеим женщинам, что он всего лишь высказал мнение другого человека, которым он восхищается. Другими словами, он говорил через шляпу. Они обе думали, что он вырастет из этого, когда столкнется с реальностью - реальностью, с которой они сталкивались каждый день.

Пока он не научился ничему, что можно было бы выразить количественно, что не было бы характерно для разведения овец на холмах в северном Уэльсе, но они все равно думали, что со временем он одумается.

Рианнон считала себя белой ведьмой, то есть ведьмой, которая не причинит никому вреда только ради собственной выгоды, и Гвинедду хотелось думать, что она такая же, но без опыта из-за их возраста. Мать Рианнон была белой ведьмой, как и все остальные матриархи в их семье, всегда, и каждой девочке давали шанс научиться.

Гвинедд с радостью согласилась пойти по их стопам, как и ее мать до нее.

В течение обычной недели они встречали не так уж много людей, и большинство из них были им знакомы, но когда они встречали незнакомцев или кого-либо еще, они "проверяли" их, чтобы убедиться, что они соответствуют уровню. Местные жители знали, что лучше не пытаться их обмануть, но случайные странствующие торговцы могли обращаться с ними как с деревенщинами, а те, в свою очередь, считали их честной дичью, которую нужно проучить.

Гвинедд помнила, как однажды отец умолял ее не говорить матери о том, что кто-то обругал его в приступе ярости на дороге, когда он подвозил ее однажды днем из школы. Она была очень молода и не прислушалась к предостережению. В тот вечер перед сном она рассказала о случившемся Рианнон, и через два дня тот же мужчина врезался в фонарный столб и несколько месяцев пролежал в коме, хотя и вышел из нее. У Рианнон были очень сильные способности к концентрации, и она заботилась о себе так, как хотел бы уметь каждый.

Это свело ее мужа в могилу, потому что он боялся что-либо рассказать жене, чтобы не случилось чего-нибудь, и он не чувствовал себя ответственным.

Он был хорошим человеком, и его совесть не могла смириться с этим, что бы ему ни сделали.

Первые несколько месяцев Сэмюэль был типичным, гордым, заботливым отцом со своим новорожденным сыном. Они с Гвинеддом водили Уэйна на холмы с овцами, если погода была хорошей, и по субботам брали его с собой на рынок в деревню, где Сэм возил ребенка в коляске. Однако постепенно чувство отверженности и даже ревности, вызванное превращением Гвинедд из молодой любовницы в мать, заботящуюся о своем первом ребенке, стало вытеснять гордость за то, что он стал отцом, и Сэм начал больше пить, а вместе с этим становился все более раздражительным.

Естественно, Сэм не винил сына в таком положении дел, но он начал говорить Гвинедд, чтобы она не “баловалась с мальчиком”, и несколько раз навязывал ей свое внимание, когда она протестовала, что слишком устала.

Гвин была недовольна тем, как меняется Сэм, но она также знала, что он тоже недоволен ею. Рианнон старалась сохранять нейтралитет и редко высказывалась на эту тему, но на самом деле она была на стороне дочери и считала, что Сэм ведет себя неразумно.

Незначительные споры вскоре перерастали в ссоры, Уэйн плакал в своей кровати в углу маленькой гостиной, а бабушка пыталась его успокоить. Иногда они все плакали, думая о том, что стало с их маленькой счастливой семьей.

Однажды вечером, когда Уэйну было около шести месяцев, Сэм начал спорить, потому что ужин ему не понравился, но он знал, что это только предлог. Он кричал на Гвин и стоял над Уэйном, когда тот закричал:

“Ты заботишься о нем больше, чем обо мне. Ты хочешь, чтобы я был рядом, только чтобы я мог обеспечить доход для наших двух ведьм и твоего драгоценного ребенка. Никому из вас нет до меня дела, пока я в состоянии ходить на работу... А вам?”. Он тыкал пальцем во всех, включая Уэйна, который уже привык к его истерикам и редко плакал.

“Я не могу есть это пойло, я уйду в паб!”.

Никто из них не демонстрировал ему, потому что знали, что это бессмысленно. Он схватил ключи от машины с каминной полки и направился к двери в холл, но споткнулся о маленький порог, упал и

сильно ударился головой о стену в холле напротив. Из шишки, быстро образовавшейся на лбу, потекла кровь. Громко, выругавшись, он поднялся, открыл входную дверь и захлопнул ее за собой.

Они молча слушали, как машина завелась и уехала на большой скорости. Затем они улыбнулись друг другу.

“Ну и ну!” - сказала Гвин, и они оба рассмеялись. Уэйн отреагировал на изменение атмосферы и тоже начал хихикать. Они оба посмотрели на Уэйна и сказали что-то подходящее для ребенка.

“У Сэма завтра будет неприятная шишка; он там здорово упал, и его головная боль будет больше, чем просто похмелье. Ему не следовало так агрессивно вести себя с маленьким Уэйном... Ты же не думаешь, что он имеет какое-то отношение к падению Сэма?”

“Сэм просто ревнует. Он просто приспособливается к тому, чтобы не быть единственным мужчиной в твоей жизни и не иметь твоего безраздельного внимания. Я уверена, что на самом деле он никого не винит, это вполне нормально. Не так ли?”

“Ты думаешь о том же, о чем и я сейчас думаю о несчастном случае с Сэмом?”

“Думаю, да. Нам обоим более шести месяцев назад показали, что расстраивать Уэйна опасно, поэтому я не могла рожать его в больнице. Если бы незнакомый врач шлепнул его по попе, чтобы он начал дышать, кто знает, что могло бы случиться? Тем не менее, похоже, что мы были слишком осторожны. Возможно, его способности только начинают просыпаться”.

“Вы когда-нибудь предупреждали Сэма об Уэйне?”

“Нет, сначала в этом не было необходимости, а потом, когда начались ряды, ничего не произошло, и я просто забыл”.

“Ему нужно будет рассказать, Гвин”.

“Да, я знаю, мама, я сделаю это, как только мы снова будем разговаривать, но то падение могло быть просто несчастным случаем... Возможно, он не стал бы обижать собственного отца”.

“Мы не знаем, правда, Гвин? Мы просто еще не знаем этого, моя дорогая”.

Только через два дня у нее появилась возможность поговорить с мужем. Гвин договорилась с матерью, чтобы та дала им тридцать

минут побыть наедине, но потом зашла, чтобы она могла попросить ее подтвердить сказанное, как бы без репетиций.

“...и в этом вся суть, Сэмми. Ты знаешь, что у нас с Мэмом есть второе зрение, ты уже в это веришь. Так вот, нам обоим было показано, что Уэйн может вызывать события... возможно, события из чьего-то будущего, сжимать их Судьбу или, так сказать, придавать ей изюминку. Мы ждали доказательств того, что это правда.

“Ваше падение в тот вечер после того, как вы вышли из себя перед Уэйном и указали на него таким образом, могло быть первым случаем его выступления, или это могла быть чистая случайность, мы не знаем.

“Я говорю это только для вашей безопасности, так что вы не можете сказать, что я вас не предупредил. Я думаю, что ты должна беречь себя, Кариад. Я люблю тебя и не хочу, чтобы с тобой что-то случилось”.

“Спасибо за предупреждение, но я не верю, что это возможно, моя дорогая. Я уважаю твои способности и способности твоей матери, но на этот раз вы обе ошиблись. Ты говоришь, что наш маленький Уэйн похож на одного из Людей Икс, но это не так. Он просто милый маленький мальчик, который перевернул нашу жизнь с ног на голову, и я ненавижу себя за то, что иногда испытываю горечь по этому поводу, но так оно и есть. Я действительно чувствую себя так иногда, и я знаю, что это неправильно, но... Я полагаю, что я всего лишь мужчина, а не X Man, и я скучаю по тому, что не получаю все внимание моей прекрасной жены, и единственный, кого я могу винить, это маленький Уэйн. Я знаю, что это не его вина, и я ненавижу себя за то, что думаю об этом.

“Мы создали Уэйна, ты и я, и я знаю, что ты должен заботиться о нем, я все это знаю, но знание этого не облегчает одиночество”.

“Я знаю, моя дорогая, но я уверена, что то, что я тебе сказала, правильно. Мама тоже чувствует то же самое”.

Рианнон вошла как раз вовремя.

“Мама, я как раз говорила с Сэмом о том, что Уэйн особенный. Не могла бы ты сказать ему, что ты думаешь? Возможно, это убедит его”.

Рианнон рассказала ту же историю, но своими словами, и Сэм немного приблизился к тому, чтобы поверить им.

“Но ведь он не причинит вреда своей собственной семье? Это просто нелогично, что он должен кусать руки, которые его кормят”.

“Судьба не проявляет благосклонности, Сэм. Тот, кто делает зло, получает воздаяние по заслугам, как и те, кто делает добро, кем бы они ни были, родными или нет. Универсальные законы действуют одинаково для всех, и в любом случае, не все родители хорошо относятся к своим детям. Некоторые дети терпят все виды жестокого обращения со стороны своей семьи.

“Если Уэйн может как-то повлиять на то, как быстро судьба настигнет их, ну, это не значит, что люди не получают то, чего они не заслуживают, просто они получают это немного раньше. Как я понимаю, он не может изменить Судьбу, никто не может, но, возможно, он может повернуть ее так, чтобы изменился порядок, в котором происходят события”.

“Мы еще не уверены во всех деталях, дорогая, еще рано, но пока это наше лучшее предположение”.

“Как вы думаете, он знает, что может это сделать?”

“Я бы так не думала, ему всего шесть месяцев, но он быстро растет, и его способности тоже могут быстро развиваться. Мы просто не знаем, это новая ситуация для всех нас”. “Да, это точно! Особенно если то, что ты говоришь, верно. Мне нужно подумать над тем, что ты сказал, а пока я буду очень осторожна в своем поведении рядом с Уэйном”.

“Хорошо, только держите глаза открытыми, потому что мы считаем, что силы Уэйна начинают активизироваться. Возможно, будет хорошей идеей держать его подальше от стрессовых ситуаций, пока мы лучше не поймем, что происходит”.

В следующую субботу во время прогулки по городу произошел случай, который во многом убедил Сэма в правоте его жены и тещи. Сэм толкал коляску через дорогу по переходу “зебра”. Он дошел до полицейских маячков посреди дороги, проверил движение и уже наполовину перешел на вторую полосу, когда из ниоткуда появилась машина, превышающая скорость.

Он замер на секунду или две, не зная, идти дальше или вернуться назад, и все это время одинокий автомобиль на скорости приближался к ним. В тот самый момент, когда он решил вернуться к маякам и дать машине достаточно места, чтобы проехать мимо, она резко свернула влево и на полном ходу врезалась в бетонный фонарный столб. Машина заглохла, а фонарный столб прорезал

глубокую V-образную форму в капоте и двигателе, но водитель был только сильно потрясен, но не получил физических травм.

Позже в интервью местной газете он признал, что превысил скорость и вел машину в состоянии алкогольного опьянения, но утверждал, что потерял контроль над своим автомобилем за несколько секунд до того, как он врезался в фонарный столб. Он также отметил, что если бы он не был пристегнут ремнем безопасности, то погиб бы. Он даже принес публичные извинения семье Гамм и сказал, что никогда в жизни не был так напуган, как в тот момент, когда он оказался на пути отца и ребенка и потерял контроль над управлением.

Сэм заметил, что его сын выглядел довольно “обеспокоенным”, когда машина приближалась к ним с гудком, но он предположил, что тот уловил это от него, поскольку Сэм признался, что очень испугался за них обоих. Когда Сэм закончил свой рассказ, Гвин и Рианнон понимающе посмотрели друг на друга, и Сэм понял, что они думают, что Уэйн стал причиной аварии.

Он должен был признать, что это могло выглядеть именно так, особенно в свете того, во что они уже поверили. Он посмотрел на своего сына, который сидел в своей кроватке и играл с пластмассовыми животными, которые висели на шнуре, протянутом через кроватку. Ничто в его поведении не указывало на то, что он пытается развлечь себя, играя со своими игрушками самостоятельно.

Затем последовало множество мелких случаев, которые ничего не доказывали, если брать их по отдельности, но в совокупности давали весомые основания полагать, что Рианнон и Гвинедд были правы относительно Уэйна и его зарождающихся способностей.

Самой большой проблемой, не считая споров, которых стало меньше, было то, как интегрировать Уэйна в общество. Ему было всего шесть месяцев, и в школу ему не придется ходить еще около пяти лет, но при таком раскладе он не знал ни других детей, ни того, как правильно себя вести при встрече с ними.

Однако они знали одно: нельзя просто бросить его в класс к незнакомым людям и ждать, что все будет хорошо. Он должен был усвоить понятия “давать” и “брать”, делиться, а также научиться контролировать свой характер, если он был плохим.

2. УЭЙН В ШКОЛЕ

Две женщины из семьи знали, что первый год жизни Уэйна дает им возможность научиться обращаться с ним и его способностями, какими бы они ни были, потому что, пока он играл на полу, в ручке или спал в своей кроватке, вероятность того, что кто-то его расстроит, была невелика. Первые опасности возникнут, когда он начнет ходить и общаться с другими людьми.

Вся маленькая семья училась вместе с Уэйном. Когда в возрасте десяти месяцев он сделал свои первые неуверенные шаги и тут же упал на спину, воцарилась тишина, в которой смешались страх и ожидание. Они чувствовали, как и видели, разочарование Уэйна от того, что он не может ходить, но ничего не произошло. Не было никакого возмездия, крыша не обрушилась, и никто не пострадал.

Они восприняли это как знак того, что Уэйн не будет произвольно обвинять людей в событиях, которые являются частью повседневной жизни. Они вздохнули с облегчением, потому что с ужасом ожидали последствий таких естественных разочарований и болей, как прорезывание зубов. Уэйн пережил такие разочарования и боли, не создавая проблем для других, что позволило его семье узнать о нем немного больше. Это было большое препятствие, которое удалось преодолеть, и это заставило всех понять, что их жизнь будет легче, чем они боялись. На многие мили вокруг не было яслей или детских садов, но семья Уэйна понимала, что он нуждается в них больше, чем другие дети, потому что он знал имена большего количества овец, чем людей, поэтому Гвинедд занялась получением квалификации, необходимой для предоставления услуг няни. Из-за других обязанностей ей потребовался год, но уже через неделю после открытия ей доверили заботу о трех других детях, а ее мать помогала, где только могла.

Услуги по присмотру за детьми приносили полезный дополнительный доход, но гораздо более важным считалось то влияние, которое контакт с другими детьми оказал на Уэйна, потому что ни один из других детей не был единственным ребенком. Однако по своей природе Уэйн не был эгоистичным или властным ребенком. Он был счастлив делиться и редко проявлял признаки раздражения, когда другие дети были эгоистичны или сердились на него.

Каждую неделю происходило несколько мелких несчастных случаев, обычно дети падали или натыкались на предметы, получая небольшие травмы, и Гвин и ее мать всегда были готовы признаться, по крайней мере, самим себе, если считали, что Уэйн виноват, но случаи, когда это было возможно, были редки, а полученные травмы не имели никакого значения. Они пришли к выводу, что если Уэйн и способен наказывать людей, то он очень терпим к детям, которые либо не знают, как лучше, либо просто склонны к несчастным случаям.

Группа из четырех детей хорошо ладила друг с другом, но однажды подруга спросила Гвин, может ли она взять ее мальчика на день в качестве одолжения. Она согласилась, и ребенка подбросили. Однако вскоре выяснилось, что у него есть определенные проблемы, расстройства личности, именно те, которых боялась семья Уэйна. Возникла ситуация, когда новый мальчик разрушил стену из блоков, которую строил другой ребенок, и попытался забрать блоки для собственного пользования. Он ударил Сару, другого ребенка, по лицу, когда она начала жаловаться, и довел ее до слез.

Так случилось, что Сара была особым другом Уэйна. Он просто сидел на полу и смотрел. Гвинедд пыталась отвлечь его, а ее мать - успокоить Сару, но Уэйн был не из тех, кто отвлекает, а Сара - не из тех, кто успокаивает. Мальчик встал с охапкой блоков Сары, прошел пару ярдов, покачнулся и упал, сломав один из двух передних зубов и ударившись носом, из которого пошла кровь.

Он закричал от боли и шока, и вскоре все дети плакали, кроме Уэйна, который просто смотрел на новенького, пока слезы текли по его щекам, а кровь вытекала из носа и попадала в рот, образуя розовые пузыри при каждом вое. И снова было трудно списать “несчастный случай” на Уэйна, но они видели так много примеров с момента рождения Уэйна, что косвенные доказательства были слишком убедительными, чтобы отмахнуться от них.

С тех пор Гвин очень тщательно проверял всех детей, чьи родители хотели, чтобы за ними присматривали, прежде чем разрешить им присоединиться к группе.

Насколько можно было судить, Уэйну очень нравилось общаться с другими детьми в детском саду. Вначале ему было трудно, но он с удовольствием играл со всеми дополнительными игрушками, которые

его мать купила для оснащения “школы”, и был счастлив каждый день делить с другими детьми свой дом, который можно было бы простить за то, что он считал своим пространством. Гвин старалась не смешивать личные игрушки Уэйна со школьными, чтобы было меньше шансов, что он начнет ревновать или проявлять собственнические чувства.

Ему потребовалось на месяц больше времени, чем другим детям, которые все были из больших семей, чтобы влиться в коллектив, но ему это удалось. Особенно близко он подружился с девочкой своего возраста по имени Сара. Хотя Уэйн большую часть времени играл один, с Сарой он играл больше, чем с другими.

Семью Уэйна очень волновало, знает ли он о своих способностях и может ли он сознательно их контролировать. Инцидент с Сарой и хулиганом был первым, который позволил предположить, что Уэйн осознает происходящее и может контролировать события. Однако такие случаи происходили редко, и по мере того, как Уэйн учился говорить, он никогда не говорил о своих особых способностях, как будто совершенно не осознавал их.

Это радовало его семью, поскольку означало, что он не может нести ответственность за происходящее вокруг него, и он будет реже говорить об этом, что привлечет к нему меньше внимания, поскольку некоторые члены семьи опасались, что правительственное агентство может попытаться приобрести его для экспериментальных целей.

Родители Уэйна в раннем возрасте приобщили его к йоге и медитации, пытаясь усилить его контроль над собой. Они пытались внушить Уэйну, что он всегда должен держаться в тени, не объясняя ему, почему это необходимо. Уэйн, будучи застенчивым и немного интровертированным мальчиком, с радостью подчинился. Когда он подрос и начал ходить в младшую школу, отец научил его шахматам и различным играм на терпение, в которые можно было играть с колодой карт. Уэйн начал заказывать в библиотеке книги по шахматным проблемам и анализировать партии старых гроссмейстеров XIX и XX веков, таких как Ласкер, Капабланка и Алехин, задолго до того, как он пошел в старшую школу в возрасте одиннадцати лет.

Это еще больше отдалило его от сверстников и одноклассников. Он начал собирать марки и пользоваться Интернетом, чтобы заполнить свое свободное время, когда другие мальчики играли в футбол со своими друзьями. Его увлечения компенсировали отсутствие настоящих друзей, хотя сигнал Интернета был довольно слабым на его стороне горы. В общем, любимым занятием Уэйна были прогулки в одиночестве по холмам рядом с овцами его отца и размышления. Справедливо было бы сказать, что юный Уэйн был одиноким, замкнутым, интроспективным ребенком.

Однако, когда он был в дошкольном и младшем школьном возрасте, он хорошо ладил с большинством детей обоих полов. Он одинаково легко играл как с мальчиками, так и с девочками. Было очень мало случаев, которые даже его собственная семья могла бы приписать ему. Когда после одиннадцати лет ему пришлось перейти в среднюю школу, мальчиков и девочек разделили, и вот тогда у Уэйна начались проблемы. Он не знал этого и никогда бы не сказал, но ему не хватало девочек в своей компании.

У него были яркие, умные, орехового цвета глаза, грубоватая, хорошая внешность и густая копна светло-коричневых, почти светлых волос. К одиннадцати годам он был на фут выше и на целый камень тяжелее, чем все остальные в его классе. Однако в нем не было ни унции жира, и помощь на ферме обеспечила ему необычайную силу. В его классе были и другие фермерские сыновья, но он все равно был больше и сильнее их всех.

Кроме того, он был тихим по натуре и больше других мальчиков, которых он знал, наслаждался своим собственным обществом. Это придавало Уэйну такой имидж, что некоторые мальчики не могли удержаться от того, чтобы не придирается к нему. Уэйн мог легко справиться в драке с двумя или тремя ровесниками, но иногда на него нападали банды, в том числе мальчики постарше. Многие подростки знали, что у них нет шансов победить его в честном бою, поэтому они перестали обзывать его на расстоянии или распускать слухи о нем за его спиной.

Это привело к тому, что Уэйн оказался еще дальше от одиночества и уединения.

Несмотря на эти проблемы, Уэйну нравилась школа. Он мог мириться с насмешками и случайными драками, которые с возрастом случались все реже и реже, но его жизнь не была простой. Был случай, когда его дразнила группа из шести мальчиков, и он ударил одного из них так сильно, что тот разбил голову о стену в восьми футах позади него. Это было достаточно плохо, но были свидетели, что они провоцировали Уэйна. Это сработало бы в пользу большинства жертв издевательств, но не в случае Уэйна, поскольку его репутация в обществе росла.

Через несколько недель он узнал, что мать мальчика пожелала ему серьезного несчастного случая за то, что он отправил ее сына в больницу, а на следующий день она споткнулась о бордюр, переходя дорогу, из-за чего тоже попала в больницу. Когда его семья услышала всю эту историю, у них не осталось сомнений в том, что Уэйн повлиял на события, даже если он об этом не знал.

Были и другие случаи. Один из них касался учителя легкой атлетики, который был недоволен тем, как Уэйн метает копье. В отчаянии он хотел вонзить острие в землю, но просто зацепил ногу Уэйна. Два часа спустя, когда Уэйна еще лечили, а инструктор проводил очередной урок, ребенок бросил копье дальше, чем ожидалось, и застал учителя врасплох. Оно зацепило его ногу, что привело к госпитализации на месяц и постоянной хромоте.

Мелких случаев было гораздо больше, чем крупных, но доказать причастность Уэйна всегда было невозможно. Тем не менее, семья и несколько близких друзей были убеждены в способностях Уэйна, а более дальние родственники и друзья распространяли слухи. К тому времени, когда ему исполнилось пятнадцать лет, в деревне или в горах поблизости не было никого, кто бы не считал, что связываться с Уэйном - дело опасное.

Уэйн хотел бы поступить в сельскохозяйственный колледж или даже университет, но его семья была слишком напугана, чтобы отпускать его от себя надолго. Уэйн бросил школу в шестнадцать лет, поскольку его семья считала, что нет смысла оставаться в школе, если он не собирается продолжать высшее образование. И учителя, и ученики его школы были довольны тем, что он рано ушел.

В качестве компромисса было решено, что Уэйн должен оставить учебу на полный день в шестнадцать лет и поступить в ближайший

технический колледж на неполный день. Никто из преподавателей не слышал о нем, но некоторые студенты слышали, поэтому репутация Уэйна не заставила себя долго ждать.

Поначалу никто не верил слухам, да и кто бы поверил? Однако, когда что-то начинало происходить, это сразу же приписывали Уэйну, что было быстрее, чем в его предыдущих школах.

Уэйн по-прежнему лучше ладил с девочками, чем с мальчиками, поэтому он был рад, что его новая школа была совместной. В его классах преобладали мальчики, но все же примерно треть класса составляли девочки. Компания девочек, казалось, помогала ему быть спокойнее, чем компания мальчиков, которые в его возрасте были шумными и склонными к соперничеству. Ему было нелегко заводить друзей, поэтому большую часть первого года обучения в колледже он провел на периферии групп студентов своего года, хотя и вступил в шахматный клуб. Однако занятия проходили в обеденный перерыв три раза в неделю, поэтому он не мог посещать его так часто, как ему хотелось бы. Проблемы начались на втором курсе, когда его сокурсницы стали чувствовать себя более комфортно в его присутствии, и он тоже стал увереннее с ними.

Однажды он разговаривал с одной из своих однокурсниц о домашнем задании, и ее парень решил сделать из этого проблему, хотя было непонятно, кому он пытался преподать урок. Позже Уэйн решил, что он пытался показать своей девушке, что ему не нравится, когда она общается с другими мальчиками, и что он готов драться за нее, но ни то, ни другое не произвело на нее впечатления, что, возможно, и стало причиной его ревности.

Он вызвал Уэйна на бой, что было смело, потому что он был по крайней мере на фут ниже, но Уэйн отказался, сославшись на то, что между ними ничего нет, что было правдой. Когда эта тактика не сработала, он стал бросать оскорбления, называя Уэйна большим трусом, но Уэйн легко справлялся с этим. Наконец, в порыве ярости он утащил свою девушку, и это было уже слишком для Уэйна, он пришел ей на помощь и заставил разжать руки. Она убежала в слезах, а ее парень побежал за ней, поклявшись отомстить Уэйну.

С Уэйном ничего не случилось, но через несколько дней девушка бросила своего ревнивого парня и была с кем-то новым. Позже парень

повесился на дереве рядом со спальней девушки на их ферме. Люди, знавшие Уэйна много лет, приписывали ему все проблемы этой пары, что казалось очень несправедливым.

Репутация Уэйна поднялась на новый уровень. Для него по-прежнему оставалось загадкой, почему вокруг него происходят такие вещи, и, хотя до него доходили слухи от одноклассников, что во всем виноват он, он не верил, что имеет отношение к этим событиям. Он чувствовал себя таким же ответственным за то, что происходит с другими, как и за то, что происходит с рыбой, плывущей по течению. Однако родители готовились поговорить с ним о том, что они называли “его силой” или “его особыми способностями”, но не знали, как затронуть эту тему.

Однажды они получили письмо, еще одно письмо, из школы, другой школы, в котором директор утверждал, что он получил жалобы от учеников и их родителей на “отношение” или “агрессивное поведение” Уэйна. Гвин, Сэм и Рианнон уже слышали все это раньше и даже оспаривали обвинения в прошлом, но, хотя ни у кого не было твердых доказательств того, что Уэйн в чем-то виноват, они продолжали упорствовать.

Угроза в письме была очевидна: либо они заберут его из школы добровольно, либо он будет исключен за свое “агрессивное поведение, которое мешает другим ученикам”. Время терять было нельзя, разговор с Уэйном больше нельзя было откладывать, поэтому в одно из воскресений семья из четырех человек отправилась на пикник в любимое место Уэйна. Они решили, что лучше не предупреждать его заранее о причине поездки.

Они подъехали к этому месту как можно ближе, а затем отнесли корзину для пикника и вещи на пятьсот ярдов к большой плоской скале, с которой открывался вид на ряд их овец и долину внизу. После обеда Гвинедд начал обсуждение, которое взрослые в группе частично отрепетировали.

“Уэйн, я всегда считала тебя счастливым ребенком... Ты счастлив?”

“Да, мама, конечно, счастлив. Почему ты задаешь такой странный вопрос?”

“Это не такой уж странный вопрос, милый, мы просто беспокоимся о тебе. Нам кажется, что ты счастлива, но иногда самые близкие узнают о проблеме последними. Ты понимаешь, о чем я?”

“Да, мама, но вам не стоит беспокоиться. Я самый счастливый человек из всех, кого я знаю. Все дети в школе постоянно стонут о своих родителях, о своей жизни, о своих парнях или девушках, о домашнем задании или о школе в целом, а мне не на что жаловаться”. “Я рад это слышать, сынок. А как ты ладишь с другими детьми в классе? Ты никогда не приводил никого из них домой поиграть или выпить чаю”.

“Я могу принять их или оставить... Большинство из них слишком много жалуются или хотят победить меня в чем-то вроде армрестлинга или бега, а мне это просто неинтересно, мне все равно, кто победит. Я родился высоким, сильным и быстрым, и все. Я не заработал эти характеристики, это просто моя судьба, моя карма... а их - меньше меня, но что с того? Возможно, у них есть другие преимущества, которых нет у меня. Кто знает и кого это волнует? Мне, например, нет. Ты считаешь, что это неправильно, мама?”

“В любом случае, мы живем немного далеко, не так ли? Кто-то должен был бы привезти их сюда, а потом забрать домой... Это все слишком хлопотно”.

“Нет, я не думаю, что это неправильно, дорогая”.

“Нет, твоя мама так не говорит, сынок. Я думаю, у тебя хорошее отношение к жизни, но большинство мальчиков твоего возраста склонны к соперничеству, вот и все. Ты не такой, и это тоже нормально. В твоем случае, ты такой большой, что знаешь, что можешь победить большинство из них в любом случае, но это заставляет некоторых мальчиков хотеть доказать, что они могут победить тебя. Это их проблема, а не твоя, если только ты сам этого не захочешь.

“Ты когда-нибудь делал это своей проблемой, Уэйн?” “Нет, я так не думаю, папа. Хотя иногда это выводит меня из себя, но я использую некоторые из тех дыхательных упражнений йоги, которым ты научил меня по книге, и обычно я снова в порядке, а если нет, я просто стараюсь уйти, если они мне позволяют”.

“А если ты не можешь себя контролировать или не можешь уйти, что тогда?”

“У меня были драки, папа, я не буду тебе врать, но они случаются не часто, и когда я ухожу, мне часто приходится успокаивать себя, потому

что внутри меня кипит гнев, но я все лучше контролирую и это”.

“Приятно слышать, сынок. Большинству людей требуется вся жизнь, чтобы научиться контролировать свой гнев. Тюремны полны людей, которые не смогли справиться с ним, пока не стало слишком поздно”.

Рианнон заговорила. “Ты уже на пути к тому, чтобы стать настоящим мужчиной, Уэйн, и я горжусь тобой, как и твои родители. Я знаю, что они гордятся.

“Ты когда-нибудь хотел отомстить людям, которые тебя расстроили?”

“Да, иногда, Найн, но я никогда ничего не делаю, если только они не заставляют меня драться, и тогда я обычно побеждаю, если их не больше трех”.

“Вейн, до тебя когда-нибудь доходили слухи о твоей матери и бабушке?”

“Да, - ответил он с глубоким румянцем, - некоторые дети говорят, что они ведьмы”. “Что ты об этом думаешь, сынок?”

Он хихикнул: “Ну, они слишком красивы, чтобы быть ведьмами, не так ли? У них же нет крючковатых носов и бородавок, правда? И они не летают на метлах... Ведьмы ведь так и делают, не так ли?”.

“Спасибо, что думаешь, что мы с твоей бабушкой недостаточно уродливы, чтобы быть ведьмами, Уэйн, но дело в том, что ведьмы есть, и некоторые из них очень симпатичные, даже красивые, и не все они похищают детей, чтобы съесть, или делают волшебные зелья из кусочков животных.

Некоторые из нас “вполне обычные”, а большинство - довольно милые люди”.

“Ты хочешь сказать, что ты и Найн - ведьмы? Вот это да!”

“Мы с твоей Найн - Белые ведьмы, что означает, что мы стараемся делать только добро, в отличие от распространенного стереотипа Черной ведьмы, который ты только что нам дал - того, который распространен в сказках и детских передачах по телевизору”.

“Ух ты, круто! Ты знал что-нибудь об этом, папа?”.

“Да, сынок. Я знал уже довольно давно... конечно, еще до твоего рождения, но тогда я не хотел в это верить. Что ты об этом думаешь?”

“Ммм, я знал маму и Найн всю свою жизнь, не так ли, так что я не знаю ничего другого? Они обе кажутся мне обычными, но я не видела,

чтобы они занимались магией... По крайней мере, я так не думаю. Может быть, это займет какое-то время.

“А ты, папа, ты тоже ведьма? Как они их называют... колдун?”

“Нет, не в том смысле. По крайней мере, я бы не назвал себя таковым, но с годами я понял, что у каждого есть какая-то сила. Все зависит от того, насколько она велика, знаешь ли ты, что она у тебя есть, и решаешь ли ты развивать ее. Некоторые люди, такие как твоя мама и Наин, являются прирожденными”.

“Твой отец прав, Уэйн, но в нашей семье есть сильная линия колдовства. Она тянется сотни лет..., и мы думаем, что ты следуешь этой традиции”.

“Часто люди не знают, что они могут делать, пока им на это не укажут. Проблема в том, что у большинства людей нет никого, кто мог бы сделать это для них... указать на это, я имею в виду. У тебя есть твоя мама и я... Тебе повезло”.

“Я не понимаю... Значит, ты думаешь, что я могу произносить заклинания и тому подобные вещи, да?”

“Возможно, каждый может это делать, но быть ведьмой — это не только колдовать. На самом деле, мы с твоей матерью очень мало занимаемся заклинаниями в наши дни.

“Видишь ли, некоторым адептам необходимо использовать реквизит в самом начале, чтобы помочь им сосредоточить свое внимание, но по мере того, как они прогрессируют, эти вещи, такие как карты Таро, хрустальные шары, котлы и тому подобное, становятся менее необходимыми, если только не нужно убедить кого-то нового или скептика.

“Позвольте мне посвятить вас в один секрет. Никогда бородавки жаб или глаза тритонов не были причиной волшебства, это всегда была сила мысли, концентрация... концентрированная, сосредоточенная мысль. Вы можете назвать это молитвой, или медитацией... Это все одно и то же. Все зависит от способности удерживать мысль и концентрировать в ней силу”. “Вот как ведьма действительно меняет ситуацию, и именно поэтому ведьм больше, чем колдунов. Большинство мужчин не могут долго концентрироваться на каком-либо предмете, особенно если это касается их личной жизни. О, они могут работать весь день и делать свою работу хорошо, но, если

возникает личная проблема, они либо ссорятся из-за нее, либо напиваются, либо забывают о ней, тогда как женщины размышляют над проблемой и думают о ней до тех пор, пока не приведут себя в такое состояние, что смогут что-то сделать. Некоторые мужчины тоже могут это делать, естественно, я имею в виду, но все могут делать это с помощью тренировок”.

“Возможно, вы - один из таких натурщиков, Уэйн. Хотите узнать? Мы можем поработать с вами, чтобы выяснить, есть ли у вас природные способности, если хотите, но вы должны держать это в секрете. Вы не должны никому ничего рассказывать”.

You've Just Finished your Free Sample

Enjoyed the preview?

Buy: <http://www.ebooks2go.com>